голах разной семантической степени сложности); различия в степени распространенности сем, зависящие от количества семантически однотипных слов, в которых встречается сема; частоту совместной встречаемости сем, а в результате — психолингвистически и культурологически интерпретировать все эти лексико-семантические параметры.

¹ Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979.

² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

³ Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.

⁴ Лурья А. Р. Язык и сознание.

⁵ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.

⁶ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1986. Т. 1—X.

Е. И. ГАПОВА

О ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Языковое представление событийного потока не связано в отличие от представления предметных существей с какой-либо одной лингвистической категорией, а может быть реализовано при помощи различных формальных средств: предложений и их номинализаций, глаголов, имен. Но, очевидно, возможна и группировка языковых средств согласно тому, какие типы концептов происходящего они преимущественно обозначают. В частности, выделяемая в английском языке группа — инфинитивные обороты (сочетания вопросительного слова с инфинитивом *what to do* — ИО), хотя и обозначают элементы событийного потока, не покрывают значений, относящихся к области онтологии. Означиваемые с их помощью сущности относятся к сфере мысли, отражения действительности в сознании, что можно доказать с помощью следующих рассуждений.

Установление особенностей некоторого типа языкового значения требует рассмотрения его взаимодействия с другими значениями, в частности, значениями присоединяющих единиц. Сочетаемость лексемы определяется ее индивидуальным лексическим значением, общим грамматическим и значением подкласса. Можно также выделить значение, противопоставленное лексическому значению конкретного слова, как индивидуальное — групповому. «Такие обобщенные значения слов часто не имеют эксплицитного выражения... но объединяют слова в целые группы в составе той или иной части речи. В определенном синтаксическом окружении лексическая номинация этих слов переходит в разряд грамматической»⁴. В результате комбинаторно-семантических процессов эти значения становятся необходимым условием сочетаемости опорного слова с определенным типом распространителя, а функционально-семантическая сочетаемость языковой единицы (ИО) будет выступать в качестве одного из ее дифференциальных признаков. Одним из важнейших грамматических свойств ИО является их типовая зависимость от лексем, обозначающих различные речемыслительные процессы или результаты речемыслительной деятельности:

I don't **know** what to do.

He had no **idea** of what to say.

She was **uncertain** how to go on.

Корпус присоединяющих глаголов, исходя из их семного состава, можно подразделить на следующие семантические группы: 1) умственной и психической деятельности (напр., *know, think*); 2) инструктирования (*instruct*); 3) восприятия (*watch**); 4) обозначающие приобретение информации (*learn*); 5) обозначающие волевые акции (*decide*); 6) обозначающие коммуникативные процессы (*discuss*); 7) с семантикой поиска информации (*wonder*); 8) с семантикой планирования (*plan*). Очевидно, что семантическая сфера вводящих вершинных глаголов — сфера мысли и знания, психических процессов. Посторонней к ней явля-

ется группа глаголов восприятия, образованная из тех глагольных лексем, которые могут присоединять ИО согласно данным словаря А. Хорнби², где конструкции «глагол+инфинитивная фраза» поставлены в соответствие формулы P8 и P20. (Словарь Хорнби послужил основным источником списка присоединяющих глаголов, некоторые дополнительные данные выявил текстовый поиск). Среди всего множества глагольных лексем с перцептивным значением валентность на ИО, согласно словарю, открывают только look, mark, notice, observe, see, watch. Очевидно, это объясняется тем, что значение, которое выражает ИО, находится не в сфере ощущений, а в мыслительной деятельности, и характер информации не соответствует указанному способу ее восприятия. Действительно, такие знания, как what to do, how to behave, вероятнее всего могут быть получены в результате когнитивных действий, а не физического созерцания или слушания. Поэтому вводить подобную информацию способны те лексемы, у которых на базе перцептивных смыслов развился когнитивный компонент, благодаря чему они начинают обозначать ментальные операции. Это подтверждается приведенными в словаре Хорнби толкованиями тех лексико-семантических вариантов глаголов восприятия, которые могут присоединять ИО: look — pay attention, mark — pay attention; note — notice, pay attention. Остальные глаголы, входящие в группу, хотя и интерпретируются в словаре как обозначающие физическое восприятие и при этом способные присоединять ИО, но примеров такого употребления не приводится. И это не случайно, ибо таких употреблений не выявила и имеющаяся выборка, кроме единственного: She... studied several adverts in a three-year old Cosmopolitan... to see what shape to make her lipstick (Sharpe).

В этом случае, очевидно, возможны две интерпретации. Первая: в ИО включено существительное *shape*, имеющее предметное значение, а предмет действительно можно увидеть. Вторая интерпретация связана с представлением о неразрывной связи перцептивных и эпистемических процессов. Как указывает Н. Д. Арутюнова, зрительному восприятию соответствуют следующие ментальные операции: 1) таксономия (отнесение к классу); 2) идентификация индивида; 3) интерпретация (т. е. установление знаковых отношений, прочтение); 4) выявление импликаций³. Таким образом, для данного употребления глагола *see* невозможно исключение эпистемической пропозиции и, следовательно, ИО называет не просто предмет, а предмет в его связях и отношениях, в его соотношении со временем как часть отражаемой действительности, чем и обеспечивается возможность «прочтения и выявления импликаций».

Очевидно, перцептивные глаголы, если в них преобладает значение физического восприятия, присоединять ИО не могут. Это связано с существованием таких принципиально различных видов информации; как сенсорная и концептуальная⁴. Так как ИО обозначают концептуальную информацию, то они не могут вводиться лексемами, обозначающими «чистую» перцепцию.

Можно предположить, что специфика семантического содержания ИО является результатом воздействия вводящих лексем, содержащих эпистемические семы: происходит переосмысление в речи понятийного содержания самих ИО, почему они и приобретают возможность означивать содержание сознания. Однако есть текстовые свидетельства того, что лексемы неэпистемической семантики, попадая в поле действия ИО (присоединяя их), изменяют свое значение и получают эпистемическое прочтение:

1. We discussed Wordsworth for one day and **spent** the rest of the time on how to present Hamlet to teenage children (Jones).
2. Croxley **busied** himself with breakfast, the Sunday papers and what the hell to do with Yapp (Sharpe).
3. He had spent his last few days with Eva **agonizing** over what to do about them... (Segal).

Обозначаемый при помощи ИО тип пропозиции актуализировал

в вводящих глаголах сему ментальности, «манипулирования» (идеальным) содержанием (или информацией). Эта сема — то общее, что содержится в значении группы лексем разной семантики и что является показателем отнесения пропозиции к области концептуального мира.

Наиболее частотная вводящая лексема — глагол «знать». Из его семантических представлений выберем то, с помощью которого может быть описано наличие у субъекта определенной мысли, ибо знание является ментальным состоянием: Р находится в сознании А. Но что же именно находится в сознании А в том случае, когда лексема, обозначающая способ оперирования информацией, изъясняется при помощи ИО? З. Вендлер писал о сущности знания: «...знание... чьей-то точки зрения не предполагает знания той же самой вещи, которая является объектом этой точки зрения... Если твоя точка зрения есть Р, а я знаю твою точку зрения, то то, что я знаю, не есть само Р, а есть то, что твоя точка зрения есть Р»⁵. Очевидно, что ИО обладает структурно-смысловым значением темы информации, а не ее сущности: благодаря местоимению он не называет для читателя те действия, о которых идет речь, а выделяет их путем указания. Доказательством этого может служить тот факт, что контекст способен раскрывать содержание этой конструкции, называя те действия, на которые ИО только указал:

...There's a wonderful life ahead of you if you know how to **handle** yourself. When you get to New York keep off Broadway, keep out of the public's eye... Pick out one or two friends and be satisfied to imagine the rest (Chaplin).

Участие ИО в текстообразовании в качестве семантического элемента, требующего дальнейшего раскрытия, несомненно⁶.

Таким образом, ИО включаются в число грамматических явлений, ориентированных специфическим образом на выражение интеллектуальных операций, т. е. таких конструкций, в которых мышление выступает в качестве своего объекта. Поэтому независимо от лексического наполнения означиваемая с их помощью сущность относится к сфере мысли, отражения действительности в сознании. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что разделение воспринимаемой человеком информации на чувственную и концептуальную нашло отражение не только в лексике, но и в синтаксисе. В языке существуют, кроме ИО, синтаксические конструкции, которые связаны с передачей концептуальной информации.

¹ Гаврилова Г. Ф. О прогнозирующей роли опорного слова в главной части сложноподчиненного предложения // Филол. науки. 1985. № 2. С. 43.

² См.: Hornby A. S. *Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford, 1974.

³ См.: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1989. С. 114.

⁴ См.: Малькольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // Философия, Логика, Язык. М., 1987.

⁵ Вендлер З. Факты в языке // Там же. С. 301.

⁶ См.: Гапова Е. И. Функционально-семантические отношения инфинитивных оборотов с контекстом // Весн. Белорус. ун-та. Сер. 4. 1988. № 2.